

Словообразовательные категории адъективов со значением «признак по действию» в современном русском языке

Лариса В. Алпеева^{a, @, ID}

^a Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 190005, Россия, г. Санкт-Петербург,

ул. 2-я Красноармейская, 4а

@lars41@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5329-5306>

Поступила в редакцию 03.03.2019. Принята к печати 25.06.2019.

Аннотация: В современной лингвистике, сопрягающейся с когнитивным аспектом, дискуссионные вопросы дефиниции инвариантных единиц в дериватологии остаются по-прежнему актуальными. Выделение такой единицы, как словообразовательная категория, несмотря на интенсификацию её изучения в последние десятилетия, вызывает много вопросов. Наиболее актуальными из них являются следующие: соотношение ономастических и словообразовательных категорий, отражение концептов в словообразовательных категориях, тип значения, положенный в основу отождествления словообразовательных типов, объём и типология словообразовательных категорий, их возможная иерархия, взаимодействие словообразовательных типов внутри категории. В данной статье анализируются перечисленные узловые проблемы, высказывается авторская точка зрения на объём данной эмической единицы. В частности, говорится об избыточности привлечения к дефиниции словообразовательной категории таких формальных критериев, как часть речи производящей и производной основ и способ словообразования, как не имеющих отношения к функциональному анализу языковых единиц. Кроме того, обосновывается актуальность исследования выбранного эмпирического материала, т. к. на данном этапе в русистике нет описания производной адъективной лексики ни в синхроническом, ни в диахроническом аспектах, за исключением одной работы на материале псковских говоров. Выбранный автором объект исследования является новым пластом лексики, анализируемым в таком ключе. В данной статье представлен фрагмент описания словообразовательной категории адъективов со значением «признак по действию». Внимательное изучение материала позволяет сделать следующие выводы: в одной и той же словообразовательной категории в зависимости от грамматических качеств мотивирующего глагола (его вида и производности) возможны отношения то дополнительной, то свободной дистрибуции между однофункциональными словообразовательными типами, что не только имеет объяснительную силу по отношению к имеющимся в языке адъективам с таким значением, но и возможность прогнозирования появления новых лексем и других изменений в словообразовательных категориях.

Ключевые слова: словообразовательный тип, словообразовательное значение, отглагольные прилагательные, когнитивное словообразование, языковая картина мира, концепт, словообразовательная система, свободная дистрибуция, дополнительная дистрибуция

Для цитирования: Алпеева Л. В. Словообразовательные категории адъективов со значением «признак по действию» в современном русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 788–800. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-788-800>

Введение

Данная тема представляется актуальной по нескольким причинам.

1. Вопрос о категоризации человеком окружающего мира находится в стадии активной разработки рядом наук, в том числе и лингвистикой.

2. В словообразовательных категориях отражаются итоги осмысления мира.

3. Актуальность анализа словообразовательной системы с когнитивных позиций, а именно таких рубрик членения окружающего мира, как словообразовательные категории, очевидна.

4. Словообразовательная категория (далее СК) в целом изучена в теоретическом плане недостаточно, и в данной статье обозначаются те проблемные точки, которые требуют разрешения для получения инструментов описания СК.

5. В последние годы в русистике описаны некоторые СК существительных русского языка: В. М. Грязнова [1], И. А. Трубицина [2], Г. В. Белякова [3], О. Б. Борисова [4], О. Н. Громакова [5], О. Я. Иванова [6], И. О. Толстова [7]. Описания СК отглагольных адъективов русского языка на сегодняшний день нет. «Признаковая деривационная семантика, специфичная и сложная для научного осмысления, нуждается, безусловно, в специальном изучении» [8, с. 7], т. к. операции с признаковыми и процессуальными сущностями происходят иначе, чем с предметными.

Отражательные категории, к которым относятся относительные прилагательные, имеют важное значение «для понимания лингвокреативной деятельности человека в языке» [9, с. 215].

Инвариантные единицы в языкознании

Описание любой части системы языка в связи с асимметричной природой языкового знака невозможно без определения инвариантных единиц как основы исследования. В зависимости от целей классификации материала решение проблемы тождества и различия элементов языка может решаться по-разному. Например, введение понятия фонемы в ЛФШ и в МФШ проводилось с различными целями и на различных основаниях.

Изоморфность уровней языка постоянно подталкивает учёных проецировать достижения исследований одного уровня на другие, искать аналогии.

С поворотом научной парадигмы к функциональному описанию начались активные поиски инвариантов разных уровней языка в этом направлении. Так, в лексикологии предлагались к обсуждению понятия сенсемы (О. Л. Каменская), инлексемы (Ф. А. Краснов), гиперлексемы (Э. М. Медникова); в настоящее время А. Н. Рудяков предлагает такую инвариантную единицу номинации, как семантема [10] и т. д. В морфемике Г. С. Зенковым было предложено понятия суффиксемы и префиксемы [11], вслед за ним мы предложили понятие конфиксемы [12]. В дериватологии мы также видим соотносительные устоявшиеся понятия: словообразовательный тип (далее СТ) и СК. Подробнее о становлении эмических единиц в дериватологии можно прочесть в нашей статье, опубликованной в 2018 г. [13].

Понятие словообразовательной категории

Идея о возможности широкой и не ограниченной какими-либо фонетическими признаками вариативности физической субстанции лингвистических единиц, а следовательно, вторичность формальных критериев по отношению

к содержательным в той или иной огласовке выдвигалась многими учёными, в том числе русистами И. А. Бодуэном де Куртене, В. А. Богородицким, Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым. Установка ономаσιологических концепций явилась основополагающей для семантико-словообразовательного описания русского языка. Попытки дефиниции единицы, обобщающей СТ на основании одинакового словообразовательного значения (далее СЗ) безотносительно их формальной близости, обозначились ещё в 60-х гг. прошлого века. Так, Г. С. Зенков в 1969 г. предложил термин *дериватема* [11], О. П. Ревзина – в том же году – понятие лексико-семантического поля [14].

В настоящее время наиболее широкое хождение в лингвистической литературе в качестве названия инварианта по отношению к СТ имеет термин *словообразовательная категория*. Из первых употреблений этого термина в 1960–1970-е гг. можно назвать работы М. Докуила [15], Р. С. Манучаряна [16] и Е. А. Земской [17]. Термин прижился, но содержательное его наполнение разнится. Некоторые исследователи включают в качестве критерия для объединения в одну СК не только общность СЗ, но и такие параметры, как общность способа словообразования и части речи производящих, т. е. вводят ограничения формального порядка. Такая же двойственность наблюдается при интерпретации морфем в РГ-80¹. Трудно согласиться, что это можно считать функциональным подходом, даже в узком понимании.

Приведём наши соображения относительно данных моментов.

1. Объём понятия СК имеет наиболее явные расхождения у авторов. Рассмотрим такой постулат, как единство частеречной общности мотивирующих основ, который, на наш взгляд, не оправдан и потому избыточен.

Возьмем, к примеру, СК со значением «предназначенный для действия, названного мотивирующей основой», которую на правах вариантов представляют следующие словообразовательные типы: «основа глагола + *-тельн-*», «основа глагола + *-льн-*», «основа глагола + *-н-*». Приведём примеры таких слов: *летательный, сверлильный, смывной*.

Абсолютно тождественным значением обладают и некоторые другие дериваты, где наблюдается расхождение формальной и смысловой мотивированности. Например, слово *отбельный* толкуется в САН-4: «Относящийся к отбелке. <...> // Предназначенный, служащий для отбелки»².

Что касается таких слов, как *разгрузочный, передельный, покрасочный* и т. п., то они, будучи деноминативными, ассоциируются не только с *nomina actionis* (названиями действия), от которых формально произведены, но и с глаголом.

¹ Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 123–132.

² Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп., М.: Русский язык, 1981. Т. 2. С. 662.

Семантическую равнозначность прилагательных со значением «предназначенный для действия», образованных непосредственно от глаголов и через существительные, можно проиллюстрировать следующим примером: машина, служащая для промывания каких-либо веществ, в разных отраслях народного хозяйства называется то *промывной*, то *промывочной*, то *промывательной*.

Мотивацию глаголом подтверждают синонимичные отношения прилагательных на *-очный* не только с другими отглагольными прилагательными (*сверловочный* – то же, что и *сверильный*), но и с причастиями, например, *упаковочная машина* – *упаковывающая машина*, *фасовочный автомат* – *фасующий автомат*. В. Г. Гак признаёт имена действия субстантивными аналогами глаголов, с которыми они входят в одно функционально-семантическое поле действия [18, с. 79].

Есть ещё один пласт слов т. н. чересступенчатого словообразования. Образование адъективов со значением процессуального признака при отсутствии в цепочке глагола встречается ещё у А. С. Пушкина (*я огончарован*). В наше время оно продуктивно в терминологии и языке художественной литературы. И хотя о частеречном статусе таких дериватов можно спорить, наличие процессуального признака, включающего видо-временные и субъектно-объектные семы позволяет нам включать такие образования в наше исследование.

Такой параметр расширения СК, как выведение из дефиниции частеречного признака производящей основы, представляется плодотворным, поскольку семантика действия сохраняется в *nomina actionis*, что позволяет «донести» её до последней ступени словообразовательного процесса (непроизводный глагол → существительное → прилагательное). Более того, освобождение от формального аспекта позволяет увидеть динамику словообразовательных систем, поскольку с расхождения формальной и семантической мотивации начинается движение в области формирования новых словообразовательных средств.

Так, например, регулярность фрагментов таких цепочек, как *формовать* → *формовка* → *формовочный*, *смыть* → *смывка* → *смывочный*, вызвала к жизни образование дериватов по аналогии при отсутствии промежуточного звена – субстантива, что привело к формированию абсолютно новой модели. И если в 1960-е гг. исследователи отмечали,

что отсутствие существительных на *-ка* механически ведёт к отсутствию прилагательных на *-очный* [11], то уже в 80-е гг. высокая регулярность этой модели привела к тому, что всё чаще прилагательные на *-очный* стали продуцироваться непосредственно от глагольных основ, минуя стадию существительного. Примеры: *помывочный*³, *пиловочный*⁴, *премировочный*⁵, *обмывочный*⁶, *передаточный*⁷, *шкерочный*⁸ т. д. В данном случае мы имеем дело с появлением нового форманта, что подтверждают отмечаемые в современных словарях *раздаточный*, *рафинировочный*, образованные непосредственно от глаголов. Это убедительная иллюстрация возможности расширения СК за счёт появления новых однофункциональных словообразовательных типов. Более того, появились пока малочисленные отымённые дериваты с суффиксом *-очн-*: *обмолоточный*, *помолочный*, *посолочный*, *отёлочный*⁹, образованные от *обмолот*, *помол*, *посол* и *отёл*.

Итак, мы убедились, что на входе СК в качестве производящих могут быть признаны слова разных частей речи, если на выходе мы имеем производные одинаковой словообразовательной семантики.

2. А каков же частеречный статус производных, что на выходе? В известных определениях СК такого параметра нет, хотя имплицитно он присутствует, что подтверждают названия исследований типа «СК существительных со значением...».

Если обратиться опять-таки к упомянутой выше СК, то становится понятно, что вопрос о границе категорий по линии дериватов тоже не всегда можно решить однозначно, т. к. кроме прилагательных, мотивированных семантически и структурно глаголом (*воспитательный*, *испытательный*), есть значительный слой лексики, имеющий то же самое значение «выполняющий действие, названное мотивирующим глаголом». Это причастия.

Частеречный статус причастия – это сложный и не нашедший однозначного решения вопрос. На основании частичного сходства причастных форм с глаголами и прилагательными в русском языкознании они относятся то к прилагательным (А. Х. Востоков, Л. А. Булаховский, Г. П. Павский, В. А. Богородицкий, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский), то к глаголам (Л. В. Щерба, И. Г. Милославский, М. В. Панов), то выделяются в особую части речи (А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Н. М. Шанский).

³ Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80 / под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. С. 170.

⁴ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. С. 747.

⁵ Там же, с. 813.

⁶ Там же, с. 645.

⁷ Там же, с. 270.

⁸ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. Т. 2. С. 399.

⁹ Там же, с. 217.

Следствием синкретичности глагольной и адъективной семантики причастий является лексикографический разрыв в подаче данных слов. Так, лексема *подбадривающий* в САН-17¹⁰ и СТ¹¹ – прилагательное, в САН-4 – причастие; *обозримый* в САН-17 и САН-4 – прилагательное, в СТ – причастие; *убитый* в САН-17 – прилагательное, в САН-4 и СТ – причастие.

Рассмотрим этот вопрос немного подробнее, анализируя причастие в сравнении и с глаголом, и с отглагольным прилагательным.

Часть речи как общий лексико-грамматический разряд слов принято характеризовать тремя категориальными признаками: семантическим, морфологическим и синтаксическим.

2.1. Под семантическим признаком части речи понимается общее категориальное значение, присущее ряду слов. Относительные прилагательные, обозначающие свойства предмета через его отношение к другому предмету или действию, выражают процессуально-качественный признак. Причастие тоже обозначает признак предмета по действию. Это подтверждается существующими синонимическими отношениями между отглагольными прилагательными и причастиями, например, *шифровальное устройство – шифрующее устройство, промывательное приспособление – промывающее приспособление, отварное мясо – отваренное мясо*. Лексикографическая практика также отражает возможную синонимичность отглагольных прилагательных и причастий.

Проблема выделения любой части речи неотъемлема от проблемы тождества слова как совокупности форм. Рассмотрим причастные формы в этом аспекте. Лексическое значение всех форм словоизменения мыслится как тождественное, причём не только основное значение, но и переносное, иначе бы эти формы не сводились в одну лексему. Например, в разных падежных формах имя существительное будет иметь одно и то же лексическое значение или набор значений, если оно многозначно. Того же нельзя сказать о причастиях, которые очень часто развивают новые переносные значения, которых нет у глагола, например *избитая тема*. В многозначных глаголах также часто отсутствует полное семантическое соответствие между значениями спрягаемых форм и причастий. Последние берут у мотивирующей многозначной основы, как правило, одно из значений, что характерно именно для процесса деривации. Например, глагол *смолить* имеет в САН-4 два значения: «1. Мазать или пропитывать смолой. 2. Курить (обычно много)»¹².

Причастие *смоленный* наследует лишь первое значение. Глагол *гнести* имеет три значения: «1. Давить своей тяжестью; жать, сжимать. 2. перен. Приводить в подавленное состояние, вызывать тягостное чувство. 3. Подвергать притеснениям, гонениям, угнетать»¹³. Причастие *гнетущий* приняло лишь второе значение. Следовательно, причастия, образованные от многозначного глагола, зачастую не покрывают своей семантикой все его значения. В то же время способность образовываться от разных значений глаголов присуща отглагольным прилагательным. Например, глагол *шататься* имеет в САН-4 несколько значений. Прилагательное *шаткий* образовано от глагола в значении «качаться из стороны в сторону», а прилагательное *шатущий* от этого же глагола в ином значении – «бродить без дела, болтаться, слоняться». Отсутствие единства, присущего формам одного слова, не только между глаголом и причастием, но и между действительными и страдательными причастиями отмечала Н. А. Янко-Триницкая [19, с. 26].

И если основной признак нового производного слова – это структурно-семантическое изменение производящей основы, то у причастия как раз наблюдается такое изменение при сопоставлении его с личной формой производящего глагола.

2.2. Морфологические показатели – признак участия в одной парадигме (склонения или спряжения) или вхождения в разные парадигмы – обычно имеет решающее значение при классификации слов по частям речи. По отношению же к причастию делается исключение, которое объясняется тем, что причастие обладает типичными глагольными категориями времени, залога и вида. Но у причастия отсутствуют присущие лишь глаголу грамматические категории лица и наклонения. Те же категории, которые у причастия общи с глаголом, далеко не тождественны глагольным. В целом преемственность грамматических сем глагола в отглагольной деривации уже достаточно полно описана в русистике.

2.2.1. Время причастий в отличие от глагольного не связано с наклонением, не образует предикативной синтагмы, не соотносится с моментом речи. Регулярность временных оппозиций наблюдается только у действительных причастий. В то же время определённая временная семантика имеется у некоторых разрядов отглагольных прилагательных. Например, в парах *линялый ситец* и *линяющая шерсть* в первом случае существует указание на то, что действие уже свершилось – «ситец полинял», во втором случае обозначен вневременной признак – «шерсть, которая линяет».

¹⁰ Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. Ин-т русского языка. М., Л., 1948–1965. Т. 1–17.

¹¹ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. Т. 1–2.

¹² Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 4. С. 156.

¹³ Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 320.

2.2.2. Вопрос о залогах – проблематичный вопрос русской грамматики. Залог рассматривается в основном как категория преимущественно синтаксическая, т. к. залоговые значения глагола не имеют соответствующего морфологического выражения. Сильным маркированным членом оппозиции является глагол страдательного залога, но морфологических показателей нет и у него. Наличие постфикса *-ся* не меняет дела, поскольку на содержательном уровне глаголы могут ничем не отличаться друг от друга (*стучать в дверь* и *стучаться в дверь*) или, наоборот, быть разными лексемами (*станцевать* – сов. в. к *танцевать*, *станцеваться* – достичь согласованности в совместном танце). Дискутируется вопрос о включении в систему залоговых отношений невозвратных непереходных глаголов, возвратных глаголов, образованных от непереходных глаголов, глаголов, не употребляющихся без *-ся*.

В отличие от глагола причастие имеет систему суффиксов для материального выражения залоговых противопоставлений и, казалось бы, наиболее приспособлено к последовательному выражению залоговых отношений. Тем не менее эта категория у причастий (в первую очередь, у страдательных) зачастую обнаруживает несоответствие формы семантике. Так, в словосочетании *сморщенные руки* речь идёт не о руках, которые кто-то сморщил: они сморщились сами, с течением времени.

Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что у отглагольных прилагательных тоже наблюдается некоторая специализация суффиксов в обозначении активных и пассивных сем. Например, *вязальная машина* – «машина, которая вяжет», *отварной картофель* – «картофель, который отварил». Это подтверждает противопоставление «активных» прилагательных «пассивным»: *вязальная машина* – *вязаная кофта*, *гранильный станок* – *гранёные камни*. Появление сем активности / пассивности в отглагольных прилагательных подчинено строгим закономерностям, которые позволяют считать это свойство в них системным явлением.

2.2.3. Корреляция глаголов по виду без изменения лексического значения слова регулярна лишь при образовании имперфективных глаголов (*переписать* – *переписывать*). Обычно коррелятивные по виду глаголы выводятся один из другого и являются разными лексемами (т. н. способы глагольного действия). Многозначные глаголы в разных значениях могут иметь несовпадающие видовые пары. Следовательно, данная категория может считаться более словообразовательной, нежели морфологической.

Что касается вида причастий – это результат возможности их образования от глаголов обоих видов, наследие аспектуально-видовых модификаций глагола, а не выражение собственного значения. Концепты взаимодействуют друг с другом, семантика производного слова содержит

как отсылку к исходному концепту, так и фиксацию того, что рождает новое слово. Способностью продуцироваться от глаголов разных видов и нести в своей семантике остатки видовых показателей глагола обладают даже существительные, например, *бежать* → *бег*, *пробежать* → *пробег*.

При анализе СЗ отглагольных дериватов могут наблюдаться и какие-то модальные смыслы: *терпеливый* – «тот, кто может много вытерпеть», *выносливый* – «тот, кто может много вынести». «В дериватах всегда "просвечивают" обязательные для данного языка грамматические концепты» [9, с. 209].

Итак, у причастия отсутствуют такие глагольные категории, как наклонение и лицо, а время, залог и вид представлены в совершенно ином объёме, чем в спрягаемых формах глагола. Причём определённые временные семы и активности / пассивности действия можно проследить и у отглагольных дериватов. Это позволяет высказать предположение, что «причастие имеет иную парадигму, нежели глагол (оно изменяется по падежам!), тогда как парадигмой относительного прилагательного оно обладает без какой-либо ущербности» [20, с. 29].

2.3. «Синтаксические приметы частей речи – следствие их исконно различных номинативных значимостей, их нетождественности на глубинном уровне» [21, с. 33]. Первичная синтаксическая функция причастия и прилагательного одинакова: полные формы выступают в роли квалификатора предмета, атрибута, краткие – в роли предиката. Более того, причастие, как и прилагательное, может выступать в предложении в качестве субстантива.

В дополнение ко всему сказанному необходимо напомнить и о таких важных показателях словоизменения, как регулярность образования грамматических форм и невыводимость одной формы из другой. Напротив, члены словообразовательной пары неравноправны, производная основа выводима и по значению, и по форме из производящей. Сказанное в полной мере можно отнести не только к отглагольным прилагательным, но и к причастиям, что нашло отражение в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова. Более того, в словообразовательном плане причастия (опять-таки в первую очередь страдательные) самостоятельны как мотивирующие основы: *воспитать* → *воспитанный* → *воспитанник*, *воспитанность*. Последний дериват (*воспитанность*) представляет высокопродуктивную модель.

Что касается регулярности образования причастных форм, она не настолько абсолютна, как это может показаться на первый взгляд. По нашим подсчётам, наиболее регулярная форма – действительное причастие прошедшего времени (100%), наименее регулярная – страдательное причастие настоящего времени (18 образований от 100 глаголов

сплошной выборки, т. е. 18 %). Попутно заметим, что регулярность некоторых словообразовательных моделей может быть близка к регулярности образования форм, например глагольных дериватов с приставкой *по-* от непереходных глаголов (*полетать, походить, погулять* и т. д.).

Подводя итоги, можно констатировать, что причастие по своим качествам всё же ближе отглагольному прилагательному, нежели глаголу. И так как приоритетным направлением описания СК является описание производных единиц с точки зрения выполняемых ими функций, то мы считаем возможным привлечь к анализу причастия, которые так же, как и отглагольные прилагательные, обозначают признак предмета по действию.

Итак, из 2-х признаков (частеречный статус производящей основы и частеречная характеристика деривата) в рамках функционального анализа можно пренебречь обоими, ведь здесь важно описать совокупность слов с одинаковым словообразовательным значением, т. е. тождественно функционирующих в словообразовательной системе. Возможно, соотношение прилагательное – причастие в этом плане является единственным допущением.

3. Теперь рассмотрим ещё один признак, называемый при дефиниции СК, – единство синхронического способа словообразования. В новейших диссертационных исследованиях в области СК существительных мы зачастую видим включение способа словообразования в один из критериев отождествления единиц в рамках СК [2–5]. Но мы можем найти иные примеры в русском языке, когда набор производных абсолютно подходит к определению СК, за исключением способа словообразования. К примеру, субстантивы с модификационным значением лица женского пола. Образуются они в основном суффиксальным способом. Если признавать нулевой суффикс, то сюда можно включить такие ряды, как *кум* → *кума*, *раб* → *раба*, *супруг* → *супруга* и т. п. Но в паре *друг* → *подруга* – префиксально-суффиксальный способ. Можно ли выводить такие дериваты за рамки СК названий лиц женского пола из-за того, что здесь наблюдается другой способ образования слова?

4. Итак, на основании вышесказанного можно утверждать, что релевантным при отождествлении СТ в одну СК можно считать лишь С3.

Но отрешившись, наконец, от формы и морфологических параметров, мы встаём перед проблемой сложности, многослойности, иерархичности уже самих словообразовательных значений. Словообразовательные значения СК, конечно же, имеют под собой концептуальную основу. Но как определить на практике количество словообразовательных значений и их виды? Можно ли объединять в одну СК все СТ со значением «носитель процессуального признака»: *молотилка, читалка, сиделка, преследователь,*

рыхлитель, заступник, запашник, прицепщик, погрузчик, клепальщик, будильник, лжец, резец, нерестилище, спальня и т. д.? Или всё же следует идти по линии частных словообразовательных значений? Другой пример: логически можно структурировать одну СК кратности действия, а можно вывести две СК: однократности и многократности действия. Словообразовательные категории могут входить в состав более широких ономаσιологических категорий или, в терминологии когнитивистики, основных концептов (макроконцептов): действие, признак, предмет и т. д. Например, СК «производитель действия», «носитель признака», «женскость» являются репрезентантами ономаσιологической категории «лицо». Но «в лингвистике до сих пор нет полной ясности по вопросу о характере взаимосвязи ономаσιологических и словообразовательных категорий, что затрудняет теоретическое осмысление этих понятий» [8, с. 88].

Поэтому тип значения, положенный в основу классификации СК одним исследователем, может не коррелировать с построением подобной классификации в других работах. Так, Е. С. Кубрякова выделяет три уровня абстракции семантики производных, указывая, что членение, начатое на одном уровне, детализируется на последующем. В работах других исследователей степень обобщения словообразовательных значений различается. Поэтому определение уровня абстракции словообразовательных типов, сводимых в одну словообразовательную категорию, выявление «детерминирующих семантику производных элементов смысла» и их описание – актуальные задачи, стоящие перед дериватологами на современном этапе [22, с. 120]. На данный момент в русистике признаётся несомненность существования разных типов СК и, как следствие, иерархичность этой подсистемы [8; 9].

Дифференциация СК может зависеть от многих параметров: от того, в области лексической или синтаксической деривации, модификационного или мутационного словообразования задействована данная категория, от семантического соотношения производящих и производных, от степени их производности, от количества входящих в них СТ, от взаимоотношений словообразовательных типов внутри категории, от структуры графа порождения конкретных производных и т. д.

Сами СК представляют не застывшие конгломераты отражения ментального членения мира человеком, а самонастраивающиеся системы, находящиеся в движении и развитии. Например, возможно расширение семантического диапазона категорий. Примером может служить появление значения «вещество» в отглагольных дериватах с суффиксом *-тель*, возникшее, видимо, сначала внутри категории «предмет (орудие, машина), производящий

действие, названное мотивирующим словом». Это такой ряд относительно новых слов, как *закрепитель*, *заполнитель*, *наполнитель*, *растворитель*, *уплотнитель*, *разбавитель*, *очиститель* и др.

Каковы пределы варьирования семантики внутри одной СК? Каковы его причины? На каком этапе в связи с расширением семантики дериватов происходит распад категорий? Как при оперировании человеком концептами в их соотношении появляются новые категории? Все эти вопросы исключительно важны для изучения СК как категорий познания и членения мира. И однозначных ответов на эти вопросы пока нет.

«Позиция когнитивизма заключается в обязательном следовании принципу взаимодополнительности диахронического и синхронического подходов» [23, с. 74]. Поэтому представляется актуальным также описание категорий в диахроническом аспекте с применением кибернетических методов исчисления энтропии и избыточности, что дало бы представление о динамике и направлении развития СК в русском языке. Для этого необходимо привлечь и окказиональную, и потенциальную лексику, что поможет выявлению новых возможностей словообразовательного механизма в соотношении с их реализацией в узусе. Здесь неизбежно встанет вопрос о причинах существования лакун в СК, возможности / невозможности их заполнения. Побочным продуктом такого описания мог бы стать словарь потенциальных слов русского языка или ономаσιологический словарь, где на входе были бы потенциальные мотивы, а на выходе – одно или ряд возможных производных с указанием степени вероятности выбора из них.

Лингвисты кемеровской школы привлекают и диалектную лексику [24; 25]. СК рассматриваются представителями данного направления как ментально-языковые категории, обладающие особой значимостью при реконструкции языковой картины мира тех или иных этносов [26].

Сравнительно-сопоставительное исследование СК в различных языках даёт не только теоретический материал, но и выход в методику преподавания иностранных языков, в том числе русского как иностранного.

Итак, при описании словообразовательной системы как системы словообразовательных категорий необходимо уточнить, о каком именно СЗ в дефиниции СК может идти речь, т. к. «словообразовательное значение как структурированная особым образом единица смысла осуществляет одновременно и функцию передачи сложного, неэлементарного значения, и функцию обобщения определенных типов отношений и связей, наблюдаемых в объективном мире между теми или иными двумя величинами, и функцию

расчленённого представления обозначаемого в цельноформленном знаке» [22, с. 196].

Известно, что в русистике существует разностное и суммарное понимание СЗ. Разностное определение проводится на основе традиционного формально-семантического подхода к СЗ, суммарное представляет ономаσιологический подход. Р. С. Манучарян делит словообразовательные значения на общекатегориальные и частнокатегориальные, невариантные и вариантные, «причём последние представляют собой иерархию общего (инвариантного) и подчинённых ему частных (вариантных значений)» [27, с. 29].

В трудах лингвистов, работавших в русле аппликативной грамматики, при определении СЗ мы видим указание на категориальное значение производного и производящего слов: «признак, имеющий отношение к субстанции», «субстанция, имеющая отношение к признаку» и т. д. Это логично, поскольку СЗ, возникающее в результате акта деривации, формируется именно взаимодействием производящей основы и форманта. Под подобными рубриками объединены в РГ-80¹⁴ большинство дериватов, например, отглагольные существительные описываются под общим заголовком «носитель процессуального признака», отсубстантивные – «носитель предметного признака» и т. д., что указывает на категориальные частеречные значения словообразовательной пары. Тем не менее П. А. Соболева, понимая невозможность втиснуть в 16 таких значений все существующие дериваты русского языка, всё же была вынуждена ввести понятие частного СЗ, в котором реализуется общее словообразовательное значение [28, с. 11].

К слову, можно предложить ещё более абстрактное понимание СЗ, отбросив частеречный признак мотивата и сформулировать семантический инвариант СЗ прилагательных как признак, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим словом.

Но, как нам представляется, в таком наиболее обобщённом виде не отражается функциональная значимость модели, и если нас интересует именно эта сторона, то объединять их в СК можно лишь на основании более частных, классифицирующих признаков. Например, в целом отглагольные прилагательные выражают признак, имеющий отношение к действию. Но рядом могут быть самые разные распространители:

- такой, который *предназначен* для действия (*вязальный, курительный*);
- такой, который *склонен совершать* действие (*ворчливый, задиристый*);
- такой, который *может подвергаться* действию (*распашной, пристяжной*) и т. д.

¹⁴ Русская грамматика. В 2 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.

Наличие именно таких распространителей актуально для определения функциональной нагрузки каждого СТ и количества СК в русском языке.

Итак, можно сказать, что общее категориальное значение – это семантический инвариант для различных СК, которые в данном случае будут представлять его семантические варианты. В целом же описание СК на нижнем уровне – это изучение разноструктурных СТ, взаимодействующих на эквивалентностной парадигматической оси. Такой подход ориентирует на изучение закономерностей словообразования путём целостного охвата гомогенных явлений, детерминированных общей словообразовательной функцией.

Анализируя взаимоотношения СТ внутри СК, можно выдвинуть следующую гипотезу: СТ, входящие в одну СК, – это не безразлично-равноправный ряд элементов, а сложная иерархическая организация однопорядковых единиц, где возможны отношения как дополнительной, так и свободной дистрибуции входящих в неё членов, где возможны СТ-доминанты и т. д.

Перед тем как представить фрагмент описания одной из СК слов, обозначающих признак по действию, следует подчеркнуть, что семантика отглагольных адъективов, являющихся объектом нашего исследования, усложняется тем, что мотивирующая основа – глагол – тоже является носителем признака в широком понимании (носителем процессуального признака). Оперирование признаковыми и процессуальными сущностями отличается от оперирования предметными сущностями. Абстрактные относительные прилагательные, мотивированные понятием действия, дают бесценный материал для понимания когнитивной деятельности человека.

Словообразовательные категории адъективов с общим транспозиционным значением «признак по действию»

СК отглагольных адъективов мы называем, вслед за Е. С. Кубряковой, отражательными, как «не имеющие прямых аналогов в реальном мире и созданные одним только языковым определением (то есть операцией с уже готовыми знаками языка)» [9, с. 214].

1. В словообразовательной системе современного русского языка прилагательные со значением «признак по действию» представляют значительный пласт русской лексики. Охарактеризуем его с количественной стороны. По нашим подсчётам, по таким словарям, как САН-17, САН-4, у СТ насчитывается 3748 дериватов, которые реализуются в 28 регулярных типах. Кроме того, имеется около тысячи производных, образованных от девербативных существительных (*nomina actionis*), которые имеют тождественную целевую предназначённость

и дефинируются в толковых словарях, как «относящийся к действию», «характеризующийся действием».

Большая часть производных образована суффиксальным способом (3537 слов). Прилагательных, образованных при помощи конфиксов, – 211. Наиболее регулярные из них продуцированы по моделям «не- + основа глагола + -им» (99), «не- + основа глагола + -н» (64), «бес- + основа глагола + -н» (16).

Среди суффиксальных образований наиболее многочисленны девербативы с суффиксом *-енн-* (488 или 13,79 %), *-н-* (482, 13,62 %), *-нн-* (458, 12,94 %), *-тельн-* (437, 12,35 %), которые в сумме составляют 52,7 % от общего числа дериватов, образованных суффиксальным способом. Несколько меньше производных с суффиксом *-л-* (7,01 %), *-льн-* (6,87 %), *-лив-* / *-чив-* (5,03 %), *-ен-* (4,52 %), *-т-* (4,43 %), *-ом-* / *-им-* (2,88 %).

Кроме образований непосредственно от глагольной основы, наблюдается достаточно большое количество отыменных прилагательных, образованных как минимум на второй ступени от имён существительных со значением отвлечённого действия на *-ка*, *-о*, *-аж* при помощи суффикса *-н-*. Все модели высокорегулярны и представлены большим количеством слов. Так, производных от существительных на *-ка* в САН-17 насчитывается 411 (*наковать* → *наковка* → *наковочный*), от существительных с нулевым суффиксом словарь фиксирует 224 деривата, образованных при помощи суффикса *-н-* (*продать* → *продажа* → *продажный*).

В качестве мотивирующих основ для отглагольных прилагательных могут выступать и производные, и непроизводные глаголы. Некоторые суффиксы ведут себя индифферентно к признаку производности / непроизводности мотивирующей основы, и, наоборот, такие форманты как *-к-*, *-абельн-*, *-уч* / *ач-*, способны сцепляться лишь с основами непроизводных глаголов несовершенного вида.

Обе группы глаголов активны в продуцировании прилагательных. Так, отсубстантивные глаголы дают 674 деривата, отадъективные – 315. Наиболее активны здесь суффиксы *-нн-*, *-виш-*, *-н-*, *-тельн-*, *-ющ* / *ащ-*, *-льн-*, *-ен-*.

Глаголы, образованные от числительных, наречий, междометий, звукоподражаний в исходе цепочки, немногочисленны: *раздвоенный*, *удвоенный*, *двоильный*, *противительный*, *множительный*, *поддакивающий*, *убаюкивающий*, *хряский*.

2. При анализе эмпирического материала можно отметить, что анализируемые дериваты неоднородны даже в пределах одного СТ, что обусловлено их способностью выполнять различные частные функции. Большое количество внутритиповых образований распределяется по нескольким СЗ, т. е. суффиксы отглагольных прилагательных могут быть монофункциональными (*-льн-*, *-абельн-*) и полифункциональными (*-тельн-*, *-н-*). По нашим наблюдениям,

суффиксы девербативных прилагательных способны выполнять от одной до пяти функций, из которых превалирует чаще всего одна, иногда две. И наоборот, одно значение может выражаться несколькими формантами. В таких случаях наблюдаются не одно-однозначные отношения между содержанием и формой его выражения.

В связи с этим возможна их дифференциация по функциональному признаку. Следуя этому принципу, среди отглагольных прилагательных можно выделить следующие СК:

- 1) служащий, предназначенный для действия, названного мотивирующим словом (*вязальный, сборочный*);
- 2) характеризующийся признаком по действию, названному мотивирующим словом (*переливный, зыбкий*);
- 3) склонный к действию, названному мотивирующим словом (*драчливый, задиристый*);
- 4) находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом (*возбуждённый, усталый*);
- 5) подвергшийся действию, названному мотивирующим словом (*чищенный, одетый*);
- 6) способный подвергаться действию, названному мотивирующим словом (*видимый, раздражимый*);
- 7) не способный совершить действие или не способный подвергнуться действию, названному мотивирующим словом (*невыносимый, безустанный*);
- 8) производящий действие, названное мотивирующим словом (*утешительный, освежающий*);
- 9) пригодный для действия, названного мотивирующим словом (*читательный, транспортательный*).

В данной статье мы рассматриваем особенности функционирования однопорядковых аффиксов первой группы, их взаимодействие и соотносительную продуктивность в разных позициях в составе СК. Поэтому нас интересуют такие параметры производящих глаголов, влияющих на реализацию словообразовательного потенциала, как вид и производность / непроизводность глагола.

При сравнении графов производных с различными частями речи в исходе цепочки можно отметить их структурный параллелизм, просто по сравнению с цепочками с глаголами в исходной позиции появляются дополнительные предшествующие ступени. Иными словами, при появлении глагола в цепочке с исходным именем начинают действовать закономерности отглагольной подсистемы, и дальнейшее развёртывание цепочки соответствует тому, что происходит в чисто отглагольной цепи преобразований.

Компактность графов зависит от таких факторов, как возможность использования в качестве мотиватов основы глаголов разных грамматических классов, а также моно-

или полифункциональность образующего суффикса. Так, суффикс *-уч-* способен присоединяться только к непроизводным или отсубстантивным глаголам несовершенного вида, а суффикс *-тельн-* присоединяется к глаголам обоих видов. Монофункциональный суффикс *-льн-* встречается значительно реже, чем полифункциональный *-н-*.

Приведём фрагмент описания СК со значением «служащий, предназначенный для действия, названного мотивирующей основой». Возьмём для анализа позицию с непроизводным или отымённым глаголом совершенного вида в качестве производящей основы.

В данную конфигурацию в качестве опорного её члена входят глаголы совершенного вида типа *решить, дать, простить, кончить*. Потенциально здесь возможны 4 модели с суффиксами *-н-*, *-тельн-*, *-льн-*, притом суффикс *-н-* способен присоединяться как к глагольным, так и к именным основам, входя в два разных СТ.

Но при анализе мы не увидим дериватов с суффиксами *-льн-* и *-н-*, потому что от глаголов совершенного вида прилагательные с этими формантами не образуются.

Словообразовательный процесс мог бы пойти через опосредованное звено – имя существительное, но здесь вступают в силу другие ограничения. Во-первых, от глаголов отвлечённой семантики не образуются существительные на *-ка*, обозначающие бытовое или профессиональное конкретное действие. В свою очередь от глаголов конкретного значения существительные на *-ка* в данной группе не образуются тоже, хотя причины здесь могут быть разными. Например, а) действие фонетических ограничений для определённых сочетаний согласных (так, невозможны дериваты на *-ка* от глаголов *простить, уменьшить, уплотнить, удобрить, опреснить* и др.), б) действие семантических ограничений (существительные от глаголов *ранить* → *ранка*, *решить* → *решка* были бы омонимичны уже имеющимся в языке существительным с предметным значением) и др. В итоге СТ «основа существительного + *-н-*» здесь тоже не работает.

Из-за отсутствия у названных синонимичных суффиксов словообразовательных возможностей в данной позиции всю работу по продуцированию отглагольных прилагательных берёт на себя *-тельн-*, образуя производные от глаголов I, V, X словоизменительных классов¹⁵: *воспитательный, образовательный, указательный*, причём преимущественное положение занимают дериваты, продуцированные глаголами X1 класса – *оборонительный, распространительный, простительный*. Мотивируются они как непроизводными глаголами: *обеспечить* → *обеспечительный, истребить* → *истребительный*, так и достаточно

¹⁵ Классификация словоизменительных типов приводится по РГ-80 (с. 647–663).

широко отымёнными глаголами: *свобода* → *освободить* → *освободительный*, *правда* → *оправдать* → *оправдательный*, *ясный* → *объяснить* → *объяснительный*, *скорый* → *ускорить* → *ускорительный*.

Данные адъективы могут выражать два частных словообразовательных значения. Так, значение «служащий, предназначенный для действия, названного мотивирующим словом» наблюдается в словах *выпрямительный*, *вычислительный*, *заградительный*. Все они толкуются в словарях через формулу «служащий, предназначенный для действия». В другом значении дериваты с суффиксом *-тельн-* синонимичны прилагательным / причастиям, оформленным суффиксом *-ущ / ащ-* («производящий действие»), что также отражается в толковых словарях русского языка. Так объясняются *удовлетворительный*, *усладительный*, *уличительный* и др. Здесь такая функция не представляет интереса для нас, потому как мы описываем те прилагательные, которые имеют значение «служащий, предназначенный для действия», ведь именно в этом значении они конкурируют с дериватами на *-льный* и *-ный*. Но интересно попутно отметить, что полифункциональный суффикс

-тельн- способен продуцировать наряду с однозначными и многозначные слова.

Заключение

В данной статье мы проанализировали не только некоторые теоретические вопросы, остающиеся в дискуссионном поле лингвистики, но и представили конкретное описание работы однофункциональных суффиксов в одной из позиций: деривация от непроемных или отымённых глаголов совершенного вида. Мы убедились, что в данной конфигурации отчётливо выражены отношения дополнительной дистрибуции между СТ.

Свои закономерности обнаруживаются и при анализе взаимодействия синонимичных суффиксов в позициях от непроемных глаголов несовершенного вида, перфектных и имперфективных глаголов. Некоторые из позиций отражают отношения свободной дистрибуции, и тогда мы говорим о словообразовательных синонимах.

Описание СК отглагольных прилагательных в таком разрезе представляется актуальным, т. к. могло бы прояснить не только количество и объём СК данного класса слов, но и работу внутри категорий однопорядковых СТ.

Литература

1. Грязнова В. М. Словообразовательная категория личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 32 с.
2. Трубицина И. А. Словообразовательные категории имён существительных со значением единичности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 24 с.
3. Белякова Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 170 с.
4. Борисова О. Б. Словообразовательная категория суффиксальных вещественных имён существительных с мутационным словообразовательным значением в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2000. 21 с.
5. Громакова О. Н. Словообразовательная категория суффиксальных отглагольных абстрактных имён существительных со значением «состояние человека» в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 23 с.
6. Иванова О. Я. Лингвокультурная специфика словообразовательной категории локативности (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 221 с.
7. Толстова И. О. Словообразовательная категория названий орудий труда в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 188 с.
8. Косова В. А. Словообразовательные категории русского языка: проблемы теории. Казань: Новое знание, 2014. 204 с.
9. Кубрякова Е. С. К построению типологии словообразовательных категорий // Морфемика и словообразование современного русского языка / сост. Л. В. Зубова, Ю. В. Меньшикова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 205–216.
10. Функциональная лингвистика. Георусистика. Лингводидактика: сб. науч. работ, посвящённый юбилею А. Н. Рудякова / отв. ред. Ю. В. Дорофеев. М.: Азбуковник, 2015. 363 с.
11. Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе: Изд-во Киргизского гос. ун-та, 1969. 165 с.
12. Алпеева Л. В. Закономерности словообразования отглагольных прилагательных в современном русском языке с учётом степени их производности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 18 с.

13. Алпеева Л. В. Становление эмиических единиц в дериватологии // *Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: мат-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Северный Чарльстон, США, 6–7 февраля 2018 г.)* 2018. Т. 2. С. 102–105.
14. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во МГУ, 1969. 154 с.
15. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 203 с.
16. Манучарян Р. С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков) // *Вопросы семантики*. М., 1971. С. 121–123.
17. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
18. Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // *Филологические науки*. 1992. № 3. С. 78–90.
19. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 247 с.
20. Алпеева Л. В. Некоторые проблемные точки обучения атрибутивной лексике // *Язык. Культура. Образование: материалы Межвуз. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1.* / под общ. ред. Захаровой Л. В. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 27–31.
21. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. 116 с.
22. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
23. Данилина Ю. С. Концептуализация словообразовательных процессов // *Символ науки*. 2016. № 10-3. С. 73–75.
24. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / отв. ред. Н. Н. Шпильная. М.: Ленанд, 2014. Т. 1. 640 с.
25. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / ред. Н. В. Мельник, Н. Д. Голев. М.: Ленанд, 2016. Т. 2. 432 с.
26. Абдулганеева И. И. Когнитивное словообразование как один из сегментов репрезентации языковой картины мира // *Перевод и сопоставительная лингвистика*. 2016. № 12. С. 114–116.
27. Манучарян Р. С. Проблемы исследований словообразовательных значений и средств их выражения: автореф. дис ... д-ра филол. наук. Ереван, 1975. 53 с.
28. Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 60 с.

Word-Formation Categories of Adjectivities with the Meaning "Attribute by Action" in the Modern Russian Language

Larisa V. Alpeeva ^{a, @, ID}

^a Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 4, 2 Krasnoarmeiskaya St., Saint-Petersburg, Russia, 190005

@ lars41@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5329-5306>

Received 03.03.2019. Accepted 25.06.2019.

Abstract: In modern cognitive linguistics, the controversial matters of the definition of invariant units in derivatology still remain relevant. The selection of such a unit as a word-formation category, despite the intensification of its study in recent decades, raises many questions. The most relevant of them are the following: the correlation of onomasiological and derivational categories, the reflection of concepts in derivational categories, the type of meaning, which the identification of derivational types is based on; the scope and typology of derivational categories, their possible hierarchy, and the interaction of derivational types within one category. This article features the above-mentioned key problems and the author's point of view on the volume of the given emic unit. The author emphasizes the redundancy of bringing to the definition a word-formational category of such formal criteria as part of speech of the generating and derived fundamentals and the method of word-formation since they are not related to the functional analysis of language units. The empirical material is relevant, since Russian linguistics know no description of derivative adjective vocabulary, neither in synchronous nor in diachronic aspects. There is but one research based on Pskov dialects. The object of study is a new layer of the vocabulary analyzed as suggested by the author. This article presents a fragment of the description of the word-formative category of adjectivities with the value "attribute by action". A careful study of the material resulted in the following conclusions. In the same word-

formation category, relations of additional or free distribution between single-function word-formation types are possible, depending on the grammatical qualities of the motivating verb (its type and derivativeness). This fact has an explanatory effect on adjectives with this meaning in the language and predicts the appearance of new lexemes and other changes in word-building categories.

Keywords: derivational type, derivational meaning, verbal adjectives, cognitive derivation, linguistic picture of the world, concept, derivational system, free distribution, additional distribution

For citation: Alpeeva L. V. Word-Formation Categories of Adjectivities with the Meaning "Attribute by Action" in the Modern Russian Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 788–800. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-788-800>

References

- Griaznova V. M. *The word-formation category of masculine personal nouns in the nineteenth-century Russian literary language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saint-Petersburg, 1993, 32. (In Russ.)
- Trubitsyna I. A. *The word-formation categories of nouns with the meaning of singularity in the modern Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2006, 24. (In Russ.)
- Beliakova G. V. *The word-formation category of suffixal locative nouns in the modern Russian language*. Astrakhan: Astrakhanskii universitet, 2007, 170. (In Russ.)
- Borisova O. B. *Derivative category of suffixed real nouns with mutational generic meaning in modern Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2000, 21. (In Russ.)
- Gromakova O. N. *The word-formation category of suffixal verbal abstract nouns with the meaning "human condition" in the modern Russian literary language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2008, 23. (In Russ.)
- Ivanova O. Ia. *Linguocultural specificity of the word-formational category of locality (on the material of Russian and English languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Stavropol, 2004, 221. (In Russ.)
- Tolstova I. O. *Derivative category of the names of tools in the modern Russian literary language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Stavropol, 2006, 188. (In Russ.)
- Kosova V. A. *Derivative categories of the Russian language: theory problems*. Kazan: Novoe znanie, 2014, 204. (In Russ.)
- Kubriakova E. S. To building a typology of word-formation categories. *Morphemic and word formation of the modern Russian language*, comps. Zubova L. V., Menshikova Iu. V. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2014, 205–216. (In Russ.)
- Functional linguistics. Georistics. Linguodidactics*, ed. Dorofeev Iu. V. Moscow: Azbukovnik, 2015, 363. (In Russ.)
- Zenkov G. S. *Questions of the theory of word formation*. Frunze: Izd-vo Kirgizskogo gos. un-ta, 1969, 165. (In Russ.)
- Alpeeva L. V. *Patterns of word formation of verbal adjectives in modern Russian, taking into account the degree of their production*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1989, 18. (In Russ.)
- Alpeeva L. V. On the formation of emic units in derivatology. *Fundamental science and technology – promising developments: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., North Charleston, USA, February 6–7, 2018*. North Charleston, 2018, 102–105.
- Revzina O. G. *Structure of derivational fields in the Slavic languages*. Moscow, 1969, 154. (In Russ.)
- Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov*. Praha, 1962, 203.
- Manucharian R. S. Some questions of the comparison of word-formation categories (on the material of the Russian and Armenian languages). *Semantics issues*. Moscow, 1971, 121–123. (In Russ.)
- Zemskaja E. A. *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Prosveshchenie, 1973, 304. (In Russ.)
- Gak V. G. Comparative Pragmatics. *Filologicheskie nauki*, 1992, (3): 78–90. (In Russ.)
- Ianko-Trinititskaia N. A. *Reflexive verbs in modern Russian*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962, 247. (In Russ.)
- Alpeeva L. V. Some problem points learning attributive vocabulary. *Language. The culture. Education: Proc. Interunivers. Sci.-Prac. Conf., part 1*, ed. Zaharova L. V. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGETU "LETI", 2015, 27–31. (In Russ.)
- Kubriakova E. S. *Parts of speech in onomasiological lighting*. Moscow: Nauka, 1978, 116. (In Russ.)
- Kubriakova E. S. *Types of language values. Derivative semantics*. Moscow: Nauka, 1981, 200. (In Russ.)
- Danilina Iu. S. Conceptualization of word-formation processes. *Simvol nauki*, 2016, (10-3): 73–75. (In Russ.)
- Language personality: modeling, typology, portraying. *Siberian linguistics*, ed. Shpilnaya N. N. Moscow: Lenand, 2014, vol. 1, 640. (In Russ.)

25. Language personality: modeling, typology, portraying. *Siberian linguistics*, eds. Melnik N. V., Golev N. D. Moscow: Lenand, 2014, vol. 2, 432. (In Russ.)
26. Abdulganieva I. I. Cognitive word formation as one of segment representation linguistic world. *Perevod i sopostavitelnaia lingvistika*, 2016, (12): 114–116. (In Russ.)
27. Manucharian R. S. *Problems of research of word meanings and their expression*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Erevan, 1975, 53. (In Russ.)
28. Soboleva P. A. *Applicative grammar and word formation modeling*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1970, 60. (In Russ.)